

нах одного листочка, вырванного из какой-то бухгалтерской книги): "11.X.1937. Отсылаю Вам работу В.И. Зиборовского, которая вызывает крайнее недоумение во всех отношениях. Автор приступил к делу без знания рукописей, содерж[ащих] Книгу Эп[арха], научной литературы вопроса и греч[еского] языка, а самое главное, без умения взяться за дело: ставить вопросы, собирать материалы для их разрешения, стройно вести рассуждения, делать выводы и т.д.; даже цитировать чужие мнения он не умеет. Он задался мыслью доказать, что Книга Эп[арха] появилась между 1261—1282 гг., но нельзя же игнорировать наличие р[укопи]си Иерус[алимского] подворья в КП (т.е. в Константинополе. — И.М.) № 25, где в заглавии Кни[зги] Эп[арха] находится развернутая датировка памятника, и вообще для него можно думать о X в. Неудачная гипотеза автора доказана быть не может, а бессистемный набор всяких сведений, чаще всего к делу и не относ[ящихся], доказательством названа быть не может. Автор должен себе усвоить крепко заветы И.П. Павлова к советской молодежи, а не нарушать их на каждом шагу. Тогда он с негодованием бросит нынешнюю свою работу в печку и напишет на эту же тему новую, прекрасную". (Без подписи). На письме Деборина Бенешевич своим знаменитым синим карандашом пометил: "Получ. 6.X.37, отосл. 11.X.37".

Из всей этой истории наиболее интересным является, разумеется, не Зиборовский с его "завиральными идеями", а именно то, что наш выдающийся ученый В.Н. Бенешевич был полностью в курсе всей проблематики, связанной с Книгой Эпарха, хотя от него мы не имеем ни строчки, посвященной этому памятнику. Впрочем, не здесь ли кроется разгадка еще одной тайны, уже давно меня занимавшей.

Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока. Составитель и автор комментариев кандидат исторических наук В.С. Шандровская // *Научное наследие*. М.: "Наука", 1991. Т. 19.

Издание монографии-каталога Н.П. Лихачева — явление давно ожидаемое и безусловно необходимое. Подготовкой публикации в течение многих лет занимались А.В. Банк, Н.Н. Воронин, В.Л. Янин, В.С. Шандровская. И вот в канун XVIII Международного конгресса византистов в Москве исследование Н.П. Лихачева через пятьдесят шесть лет после создания рукописи вышло в свет.

Каталог знакомит с 384 печатями из коллекции Н.П. Лихачева, т.е. небольшой части ее, влившейся в основном в собрание византийских моливдовулов Эрмитажа, насчитывающего свыше 12 тысяч памятников и пока не имеющего своего каталога, как, впрочем, и некоторых зарубежных собраний. Правда, следует отметить, что часть его, происходящая из собрания Русского археологического института в Константинополе, была опубликована Б.А. Панченко; чтения отдельных печатей в

Я имею в виду тот раздел опубликованной в 1939 г. под редакцией Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина "Хрестоматии по истории Средних веков", в котором публикуются добротные переводы на русский целого корпуса преимущественно законодательных византийских памятников (Земледелецкий закон, новеллы императоров, "Клиторологий" Филофея, отрывки из "Эпанагоги" и Кекавмена и др.), а также (что для нас особенно интересно) главы 1—4 последнего 22-го титула Книги Эпарха. Качество переводов, скупые и строгие, но весьма компетентные примечания говорят о том, что автором их был мастер своего дела. К сожалению, переводы этой "византийской" части хрестоматии сугубо анонимны, и это резко выделяет ее из всего сборника, так как авторы других разделов всякий раз тщательно фиксируются. Невольно возникает вопрос, не связана ли эта анонимность византийского раздела с тем, что автором его был В.Н. Бенешевич, незадолго до этого в который раз и теперь уже окончательно арестованный и разделивший трагическую участь своего народа? Ведь известно, что в апреле 1937 г. Бенешевич обратился в Институт истории АН СССР с предложением перевести ряд византийских памятников, среди которых фигурировала и Книга Эпарха, с тем чтобы из них "составить и хрестоматию для высшей школы, полезную и для учащихся, и для учащихся"¹⁶. Остается надеяться, что однажды (возможно, с помощью московских архивов) прольется свет и на эту загадку.

И.П. Медведев

¹⁶ Архив РАН. Ф. 192. Оп. 3, № 101. Л. 18—19.

дальнейшем были уточнены В.С. Шандровской. В настоящее время нам известен целый ряд работ, посвященных печатям эрмитажной коллекции¹.

В последние десятилетия все более возрастает роль сфрагистических памятников, в частности, в сфере исследования структуры Центрального государственного аппарата и провинциальной администрации Византии, ее армии. Издан ряд каталогов моливдовулов — В. Лорана, Г. Закоса — А. Веглери, В. Зайта, Н. Икономидиса. Каталог Н.П. Лихачева органично вписался в этот поток, учитывая даже иной принцип его построения. Моливдовулы сгруппированы не по функциональной принадлежности их владельцев к армии, центральному и провинциальному административному аппарату, церкви, но

¹ См. библиогр. работ по сфрагистике в кн.: "Византиноведение в Эрмитаже". Л., 1991.

по принципу типологической близости надписей или изображений. В таблицах и на страницах Каталога помещены группы памятников, например, с изображением Голгофского и процветшего крестов (LIII), с призывом о помощи Божьей и Богоматери (LIX–LXI), изображением святых (LXII), Богоматери (LVIII–LIX), Христа (LX), со словом СФРАΓΙΣ (LV), с крестообразными монограммами (LXVII), печати коммерциариев (LXIII–LXV).

Следует отметить значительную работу, сделанную В.С. Шандровской при подготовке каталога к печати. Были вновь прочитаны надписи моливдовулов, в ряде случаев уточнено это прочтение, приведены параллельные экземпляры из других собраний. Реставрация некоторых печатей например, М-6268, М-8084, дала возможность составителю исправить ряд чтений Н.П. Лихачева. Так, за последние полвека резко увеличилось количество опубликованных печатей коммерциариев, например, из 167 печатей 134 не были известны ранее (с. 200). Как следствие, их классификация и датировка, предложенные Н.П. Лихачевым, в настоящее время могут быть значительно уточнены.

Показательно, что наряду с подлинниками, Н.П. Лихачев счел возможным опубликовать и поздние копии, в немалом количестве создававшиеся в Константинополе, через антикваров которого они попали во многие собрания, в частности, в собрание РАИК, комплектовавшееся, как, известно, на территории Турции и Ближнего Востока. Исследователь полагает, что при отсутствии оригинала, "если свинцовый слепок точен, то он все равно что гипсовый и воспроизведение вполне научно" (с. 268). Копии моливдовулов М-8003, М-8247, М-7939, М-8242 исследуются наряду с оригиналами, представляя интерес так же как исторические источники.

В некоторых случаях, не имея сравнительного материала, Н.П. Лихачев оговаривает гипотетичность своих атрибуций, приводя иные точки зрения. Это имело место с моливдовулом, предположительно приписанном им Никифору Вотаниату. Параллельно исследователь привел мнение К.М. Константинопольца, колебавшегося между атрибуцией печати Никифору Вриеннию или Никифору Вотаниату (см. XXVIII, № 1. Примеч. 6). Издание экземпляра лучшей сохранности Г. Закосом и П. Веглери дало возможность В.С. Шандровской приписать моливдулу Никифору Мелиссену.

Лишь немногие надписи опубликованных моливдовулов не были прочитаны ни исследователем, ни автором комментария. К ним принадлежит надпись моливдовула М 8219 по нумерации эрмитажного собрания. Он не имеет отношения к княжеству Феодоро в Крыму, но принадлежит, на наш взгляд, Иоанну Анге-

лу, сыну деспота Константина Ангела и порфирородной Феодоры Комниной, дочери Алексея I Комнина². Он ценен тем, что найден в Крыму в Еникале, столь бедном сфрагистическими памятниками XII в.³. Отметим, что указаний на происхождение не только по линии отца, но и по линии матери, особенно если она принадлежала к императорской фамилии, в XII в., было довольно много. Например, брат Иоанна Алексей называет себя Комнином и сыном порфирородной Феодоры в ктиторской надписи церкви Пантелеймона в Нерези⁴.

Наконец нужно отметить уникальную печать с латинской надписью M-2221, о которой никаких данных в публикации не приведено. Она принадлежала не просто Александру Гравине, графу Конверсано, но одному из известнейших византийских дипломатов времени правления Мануила I Комнина. Гиём Тирский называет его как участника посольства 1168 г. в Тир к королю Иерусалима Амори I⁵. В августе того же года он возглавил византийский флот, посланный к Акре для последующего участия в египетском походе⁶. Наконец, после Мириокефала он участвовал в посольстве в Иерусалим наряду с Андроником Ангелом, великим этервархом Иоанном и Георгием Синаитом⁷. Роль Александра Гравины в реализации планов императора в отношении государств крестоносцев была очень значительна.

Ряд опечаток в греческих текстах ни в коей мере не умаляет значение данной публикации, кое трудно переоценить. Введен в оборот первоклассный материал, дающий возможность более детально реконструировать структуру различных византийских учреждений и институтов, а также cursus holoium чиновников и полководцев империи. В этой связи следует отметить кропотливую работу В.С. Шандровской, значительно дополнившей приведенный Н.П. Лихачевым материал и во многом пополнившей комментарии на уровне современных знаний в области сигиллографии.

В.П. Степаненко

² Моливдул самого Константина см.: *Laurent V. Les sceaux byzantins du Medailler Vatican. Citta del Vaticano, 1962. N 55. P. 40–42.*

³ См.: *Шандровская В.С. Печать Иоанна Коностафана Комнина, найденная в Крыму // Проблемы истории Крыма: Тез. докл. науч. конф. Симферополь, 1991. Вып. 2. С. 10–11.*

⁴ См.: *Бошкоски М. Византийская печать Ювана Комнина, дукса Скопья // ЗРВИ. 22. 1983. С. 38.*

⁵ *Willerti Tyrensis Historia rerum in partibus transmarinis gwstarum // RHCoec. T. 1. P. 945.*

⁷ *Ibid. P. 961–962.*